

В. Г. Белинский

<О детских книгах>

Виссарион Белинский

О детских книгах

«Public Domain»

1840

Белинский В. Г.

О детских книгах / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1840

Начало работы над статьей определяется письмом Белинского к В.П. Боткину от 3–10 февраля 1840 года. В части, написанной 9 февраля, он сообщал: «А дня через два надо приниматься за статью о детских книжках, где я буду говорить о любви, о благодати, о блаженстве жизни, как полноте ее ощущения, словом, обо всем, чего и тени и призрака нет теперь в пустой душе моей». В этой статье наиболее подробно обоснованы педагогические воззрения критика.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	10
--	----

Виссарион Григорьевич Белинский

<О детских книгах>

ПОДАРОК НА НОВЫЙ ГОД. Две сказки Гофмана, для больших и маленьких детей. С.-Петербург. 1840.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ ДЕДУШКИ ИРИНЕЯ. Две части. С.-Петербург. 1840¹.

О воспитании детей вообще. – Как должны писаться детские книги, по их отношению к воспитанию. – О двух детских сказках Гофмана. – О детских книгах на русском языке и «Детских сказках дедушки Ириней»^[1].

Самые, по-видимому, простые и обыкновенные предметы часто бывают, в своей сущности, самыми важными и великими. Все говорят, например, о важном влиянии воспитания на судьбу человека, на его отношения к государству, к семейству, к ближним и к самому себе; но многие ли понимают то, что говорят? Слово еще не есть дело; всякая истина, как бы ни была она несомненна, но если не осуществляется в делах и поступках произносящих ее – она есть только слово, пустой звук, – та же ложь. Посмотрите внимательнее на отношения родителей к детям, детей к родителям, словом, посмотрите внимательнее на воспитание – и у вас сердце обольется кровью. Ребенок ест что ни попало и сколько хочет: что нужды! говорят нежные родители: ведь он еще дитя! Ребенок мучит собаку или колотит дворового мальчишку: что нужды! восклицают заботливые родители: ведь он еще дитя! Дети ссорятся, кричат между собою, и если их крик, брань и слезы не мешают папеньке и маменьке соснуть после обеда или поговорить с гостями, – что нужды – ведь они дети, пусть себе ссорятся и кричат: вырастут велики, не будут ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись друг с другом, дети прибегают к отцу и матери с жалобою друг на друга – и! помилуйте! стоит ли разбирать детские ссоры! Если вы строги, дайте всем по щелчку или пересеките всех розгами, чтоб никому не было завидно; если вы добры к детям или воспитываете их на *благородную ногу*, – дайте им игрушек или сластей, да, перецеловав их, вышлите от себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенок не учится, не хочет и слышать, чтоб взять в руки книгу: что за нужда, ведь он еще дитя – подрастет, будет поумнее, так станет и учиться! Ребенок хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомия с картинками или Аретин с гравюрами:^[2] что за нужда – ведь он еще дитя! благо, что охота к книгам есть – пусть лучше навикает читать, чем резвиться! Учитель говорит отцу, что грамматика, которую он купил для сына, не годится, что она или уж устарела, или бестолкова, бессмысленна, что ее не понимает сам автор, не знающий ни духа, ни характера языка: это еще что за новости! восклицает опытный и благоразумный родитель: ведь он дитя – для него всякая книга годится, а за эту я заплатил деньгами, стало быть, хороша!.. А между тем заговорите с «дражайшими родителями» о детях и воспитании: сколько общих фраз, сколько ходячих истин наговорят или *нарезонерствуют* они вам! «Ах, дети! да! как тяжело иметь детей! сколько забот! надо вырастить да и воспитать! Мы ничего не щадим для воспитания своих детей! Из последних сил бьемся! Я отдал своих в училище, покупаю книги – тьма расходов! А мы для своих приискали *мадам* (или *мамзель* – провинциальные названия *гувернанты!*), чтоб они и по-французски знали и на фортопьянах играли!» В добрый час, дражайшие родители!..

Но это еще только одна сторона воспитания, или того, что так ложно называют воспитанием. Это еще только воспитание, как обыкновенно говорится, на волю Божию, а в самом-то деле на волю случая, – воспитание природное, воспитание не в переносном, а в этимологическом значении этого слова, то есть *воскормливание*, – воспитание простонародное, мещанское. Есть еще воспитание попечительное, деликатное, строгое, благородное. В нем на все обращено

внимание, ни одна сторона не забыта. При этом воспитании дитя ест и вовремя и в меру, перед обедом непременно ходит гулять с гувернером или гувернантой, умеренно резвится, занимается гимнастическими упражнениями на красивых вешалках, столбах, перекладинах, по часам учится, в определенную пору встает и ложится. Физическое воспитание в гармонии с нравственным: развитию здоровья и крепости тела соответствует развитие умственных способностей и приобретение познаний. А форма – о, это самое изящество! При опрятности царствует простота и неизысканность, соединенные с благородством, достоинством, хорошим вкусом и хорошим тоном. И это отражается во всем: и в одежде и в манерах. Одно то чего стоит, что дитя умеет уже скрывать свои чувства, не хвататься жадно за то, чего жадно желает, не обнаруживать удивления и радости к тому, что возбуждает в нем удивление и радость, словом – приличию и тону жертвовать всеми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человеческими!.. Короче: даже китайские мандарины, эти высокие идеалы и образцы природы, искаженной и умершей от искусственности, даже китайские мандарины ничто пред этими милыми, благовоспитанными детьми... И если жизнь человеческая есть театральная сцена или салон, и если *казаться* есть цель человеческой жизни, то в этом образе воспитания мы нашли норму воспитания^[3]. В самом деле, что может быть прекраснее и очаровательнее, например, светской девушки? – Она скорее согласится тысячу раз умереть, нежели один раз в жизни, в глазах света, показаться смешною, то есть прийти в восторг от создания искусства, от созерцания явлений природы или от рассказа о высоком подвиге и всего, от чего плачут и чем восхищаются люди дурного тона^[4]. Она столько же развязна и свободна, сколько и грациозна; ничему не удивляясь, она ничего не испугается и ни от чего не придет в смущение. В ней всегда такое спокойствие, такая ровнота духа, все так соразмерно и прилично... А сколько в ней талантов, которых она не выставляет на вид, как какая-нибудь провинциалка, но за которые она часто слышит себе «*charmant!*».² Ко всему этому, какая у ней чистая душа, какое нравственное сердце: она уже невеста, – а кроме Бульи и Беркена еще ничего не читала, и произнесите при ней имя Шекспира, она с милою наивностью спросит вас: «*Mais qu'est ce que c'est?*»³ – а когда вы начнете говорить о Шекспире, она с такою милою рассеянностью, с таким достоинством и так неожиданно для вас повернет разговор на погоду или на последний бал. Виктора Гюго и Поль де Кока она будет читать уже после замужства, а пока довольно с нее Бульи и Беркена. Оно и хорошо: Шиллер, Гете, Байрон, Гофман, Шекспир, Вальтер Скотт, Пушкин – опасны для юного девственного сердца: чего доброго, они взволнуют его какими-то странными желаниями, неясными мечтаниями, произведут в девушке экстаз, экзальтацию, дадут ей какую-то внутреннюю поэтическую жизнь, – и вот – долго ли до греха! – девушка встречает на земле какую-то родную душу, без копейки за душою —

И жизнь могучая дает
И пышный цвет, и сладкий плод^[5], —

как сказал Пушкин... Мечтать и любить – предаться человеческой страсти – да что же скажет свет?... Нет, не такова благовоспитанная девушка высшего тона: она может выдвинуться из толпы, но красотой, если бог наградил ею, нарядом, если ее *papa*⁴ богаче других, но не душою, не сердцем и не другими мещанскими странностями. Она выйдет замуж; – даже если и другие не похлопочут об этом, сама все устроит, но это замужство будет блестящее, способное возбуждать зависть, а не толки. Вот что делает истинное воспитание из девушек! А юноши? – О, об них я боюсь и говорить: все они, и умные и глупые, и ученые и невежды, – все они с таким

² «прелестно!» (франц.). – Ред.

³ «Но что это такое?» (франц.). – Ред.

⁴ папаша (франц.). – Ред.

философским равнодушием смотрят на жизнь, в которой для них нет ничего ни таинственного, ни удивительного, ни непостижного; все они с такою «львиного» наглостью наводят на вас свой лорнет... прекрасные молодые люди!.. А как свободно, с какою небрежностью говорят они по-французски – словно на родном языке, и как мило не умеют связать двух русских фраз, написать русской строки без орфографических ошибок – педантизма в них нет ни тени!..

Мы представили две крайности одной и той же стороны; но есть еще середина, которая, как все почти середины, часто бывает хуже крайностей. Мы говорим о воспитании того класса общества, которое на низшие смотрит с благородным презрением и чувством собственного достоинства, а на высшие с благоговением. Оно изо всех сил хлопочет быть их верною копиею; но назло себе, остается каким-то средним пропорциональным членом, с собственной характеристикой, которая состоит в отсутствии всякого характера, всякой оригинальности и которую всего вернее можно выразить *мецанством во дворянстве*.^[6] Непринужденность и милая наглость переходит у него в жеманство и кривлянье. Хороший тон в обезьянничество. Смешно и жалко смотреть,

Как негодяй официант
Ломает барина в передней!

Но это в сторону: дело в том, что в этом кругу общества воспитание состоит в том, чтобы убить в детях всякую жизнь и живость, сделать из них попугаев и милых кукол, о которых бы все говорили: ах, как хорошо они воспитываются!..

Воспитание! Оно везде, куда ни посмотрите, и его нет нигде, куда ни посмотрите. Конечно, вы его можете увидеть даже во всех слоях общества, от самого высшего до самого низшего, но как редкость, как исключение из общего правила.⁵ Отчего же это? Да оттого, что на свете бездна родителей, множество *paras et mamans*⁶, но мало отцов и матерей. «Вот прекрасно! – восклицаете вы. – Какая же разница между родителями и отцом и матерью?». – Как какая? – взгляните летом на мух: какая бездна родителей, но где же отцы и матери? Грибоедов давно уже сказал:

Чтоб иметь детей,
Кому ума не доставало!^[7]

Право рождения – священное право на священное имя отца и матери, – против этого никто и не спорит; но не этим еще все оканчивается: тут человек еще не выше животного; есть высшее право – родительской любви. «Да какой же отец или какая мать не любит своих детей?» – говорите вы. Так, но позвольте вас спросить, что вы называете любовью? как вы понимаете любовь? – Ведь и овца любит своего ягненка: она кормит его своим молоком и облизывает языком; но как скоро он меняет ее молоко на злак полей – их родственные отношения оканчиваются. Ведь и г-жа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекам старую Еремсевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его так, что если бы он вздумал ее бить по щекам, она стала бы горько плакать, что милое, ненаглядное детище больно обколотит об нее свои ручонки^[8]. Итак, разве чувство овцы, которая кормит своим молоком ягненка, чувство г-жи Простаковой, которая, бывши и овцою и коровою, готова еще сделаться и лошадкой, чтобы возить в колясочке свое двадцатилетнее дитя, – разве все это не любовь? – Да, любовь, но какая? Любовь чувственная, животная, которая в овце, как в животном, отличающемся и животную фигуру, имеет свою истинную, разум-

⁵ Здесь разумеется только воспитание *частное* или *домашнее*.

⁶ папаш и мамаш (*франц.*). – *Ред.*

ную, прекрасную и восхищающую сторону, но которая в г-же Простаковой, как в животном, отличающемся человеческою фигурою, вместо овечьей, – бессмысленна, безобразна и отвратительна. Далее: ведь и Павел Афанасьевич Фамусов любил свою дочь, Софью Павловну: посмотрите, как он хлопочет, чтобы повыгоднее сбыть ее с рук, подороже продать...^[9] Продать? – какое ужасное слово!.. Отец продает свою дочь, торгует ею, конечно не по мелочи, но один раз навсегда, и не больше, как для одного человека, который будет называться ее мужем!.. Но ведь это он делает не для себя, а для ее же счастья? – скажут многие. Прекрасно! Но после этого и разбойник, который для приданого дочери зарежет перед ее свадьбою нескольких человек, будет прав, потому что сделает это из любви к дочери? После этого и иная матушка, которая, не желая видеть в нищете свою нежно любимую дочь, научит или принудит ее сделать выгодный промысел из своей красоты, – тоже будет права, потому что поступит так из любви к дочери?.. И разве этого не бывает в самом деле? Разве старый подьячий, закореневший в лихоимстве и казнокрадстве, не поставлял первым и священным долгом своего родительского звания передать свое подлое ремесло нежно любимому сынку? – Мы опять соглашаемся, что источник всего этого любовь, но *какая* – вот вопрос! Откуда она проистекает, куда она стремится, к кому обращается? Зачем зверь рвет и губит подобных себе, а в голоде пожирает собственных детей? – Затем, что он любит себя, а любовь к себе есть условие всякой индивидуальности, которая, в свою очередь, есть условие всякого бытия, основа и закон жизни. Зачем собака грызется с другою из-за брошенной кости? – Опять затем, что любит себя. И нас не оскорбляет это в животных; по крайней мере мы не виним их за это и не считаем злодеями и преступниками, потому что они живут и действуют под невольным, рабским влиянием животного инстинкта и, кроме сохранения и возрождения своей индивидуальности, не имеют никаких обязанностей. И человек, подобно животному, замкнут в своей индивидуальности и бессознательно следует данному ему природою инстинкту самосохранения и стремлению к улучшению своего положения; но неужели этим все и должно в нем оканчиваться? – Нет, разница человека с животным именно в том и состоит, что он только начинается там, где животные уже оканчиваются. Кроме обязанностей к себе, он имеет еще обязанности к ближним; кроме инстинкта, который есть у животных, он имеет еще чувство, рассудок и разум, которых нет у животных; будучи существом и растительным и животным, будучи плотским организмом, он есть еще и дух – искра и облик духа божия. Следовательно, и его любовь должна быть высшею ступенью той любви, которую мы видим во всей природе, – от сродства стихий, – от их безмолвного организирования в минерал, заключенный в недрах земли, от прозябания дольней лозы, возникающей из зерна, – до животного, которое добровольно лишается жизни, с яростию защищая своих детей. Человек есть мир в малом виде: в его организме все стихии природы, первосущные ее силы, вся минеральная природа – металлы и земли; в жизни его организма все процессы природы – и минеральное сращение извне, и прозябаемая растительность, и животное развитие изнутри. Он является на свет животным, которое кричит, спит, ест и инстинктивно хватается за грудь и инстинктивно сердится, когда его от нее отнимают. Но уже с того мгновения, как язык его от безразличных междометий начинает постепенно переходить к членораздельным звукам и лепетать первые слова, – в нем уже оканчивается животное и начинается человек, вся жизнь которого, до поры полного мужества, есть не что иное, как непрерывное формирование, делание, становление (*das Werden*) полным человеком, для полного наслаждения и обладания силами своего духа, как средствами к разумному счастью. Еще младенец, припав к источнику любви – к груди своей матери, он останавливает на ней не бессмысленный взгляд молодого животного, но горящий светом разума, хотя и бессознательного; он улыбается своей матери, – и в его улыбке светится луч божественной мысли. Во всех проявлениях его любви просвечивает не простое, инстинктивное, но уже не чуждое смысла и разумности чувство: еще ноги его слабы, он не может сделать ими шага для вступления в жизнь, но уже любовь его выше любви животной. Так неужели, после этого, любовь родителей, существ вполне развившихся,

должна оставаться при своей естественности и животности, неспособных отделиться от самих себя и перейти за околдованную черту замкнутой в себе индивидуальности? Нет, всякая человеческая любовь должна быть чувством, просветленной разумною мыслию, чувством одухотворенным. Но что же такое любовь? – Это жизнь, это дух, свет луча: без нее все – смерть, при самой жизни, все – материя, при самом органическом развитии, все – мрак, при самом зрении. Любовь есть высшая и единая действительность, вне которой все – призраки, обманывающие зрение, формы без содержания, пустота в кажущихся границах. Как огонь есть вместе и свет и теплота – так и любовь есть осуществившийся, явленный разум, осуществившаяся, явленная истина. Ею все держится, и весь мир – ее явление. В природе она разлита, как электричество: в духе является разумною мыслию, в самой себе носящую силу своего проявления в благом действии. И потому человек, полный ею, сильнее Самсона: с мучениками первых времен христианской церкви бестрепетно шел к диким зверям и, объятый пожирающим пламенем, пел гимны богу живому и бессмертному; он из рыбака становился ловцом человеков. Любовь столь сильна, что творит непостижимое, торжествует над вечно неизменными условиями пространства и времени, над бессилием плоти, младенцу дает львиную силу. Сам бог есть любовь и источник любви, из которого все исходит и в который все возвращается. «Возлюбленные! станем любить друг друга, ибо любовь от бога, и всякий, кто любит, рожден от бога и знает бога. Кто не любит, тот не познал бога; потому что *бог есть любовь*. –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Под псевдонимом Ириной Модестович Гомозейка нередко публиковал свои произведения В. Ф. Одоевский, писатель, ученый, музыковед. По энциклопедичности познаний он был человеком уникальным (о нем см.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. I–II. М., 1913; Ю. В. Манн. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969, с. 104–108). Одоевский являлся автором многих сказок и повестей для детей, печатавшихся – от имени дедушки Ириная – и в периодике, и отдельными книжками. Однако издание 1840 г., о котором идет речь, в свет так и не вышло. Через некоторое время «Отечественные записки» (1841, т. XV, № 3, с. 25) извинились перед читателями за свою ошибку: произошла она потому, что автор, заметив, – очевидно, в сигнальном экземпляре – «тму тем опечаток», приостановил издание книги на последней стадии. Однако в этот момент «Детские сказки» Одоевского уже числились в списке вышедших книг.

2.

Сатирические «Рассуждения» П. Аретино (1534, 1536, 1539), обличающие женские привычки и придворные нравы, содержат немало шокирующих эпизодов. На русском языке произведения Аретино отдельным изданием к 1840 г. не выходили; можно предположить знакомство критика с книгой: *Do Pierre Aretin. Notice sur sa fortune, sur les moyens qui la lui ont produite, et sur l'emploi qu'il en a fait, par Gabriel Peignot. Paris – Dijon, 1836.*

3.

Об ориентации культурного поведения людей начала XIX в. на театр и театральность см.: Ю. М. Лотман. Статьи по типологии культуры, вып. 2. Тарту, 1973, с. 42–89.

4.

Можно предположить, что, характеризуя светскую девушку, критик использовал соответствующие описания в повестях А. Марлинского. Ольга, героиня повести «Испытание», на взгляд автора, представляет собой редчайшее исключение из круга светских дам: «Она не могла понять, для чего бы ей стыдиться слез умиления при рассказе о великодушном поступке или румянца негодования, слыша о низостях людских...» (А. А. Бестужев-Марлинский. Повести и рассказы. М., «Советская Россия», 1976, с. 116).

5.

Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. восьмая, строфа XXIX).

6.

Это выражение восходит к названию комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» (1760).

7.

Цитата из «Горя от ума» (д. III, явл. 3).

8.

Г-жа Простакова, Митрофанушка, Еремеевна – персонажи комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1781).

9.

Имеются в виду персонажи «Горя от ума».